

А. БЕРНШТАМ. *Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-тюркский Каганат и Кыргызы.* Изд. АН СССР, М—Л., 1946, 207 стр. + 2 карты

А. Н. Бернштам уже с середины 30-х годов работает над вопросами истории Средней и Центральной Азии. Ему принадлежат, в частности, и ряд статей, посвященных орхон-енисейским памятникам.

Рецензируемая книга писалась автором еще в 1934—1935 гг. и была закончена в 1937 г. Полученные с тех пор новые данные о тюрках, главным образом археологические, включались в текст «по мере возможности».

Книгу составляют две части, из которых первая посвящена историографии и обзору источников. Первая глава—«Место древнетюркского общества в историческом процессе Центральной Азии» представляет как бы введение ко всей книге. В ней заключены четыре основных положения:

1. «Гуннский племенной союз» был эпохой господства военно-демократического строя.

2. «Господство племен сяньби и тоба—переходный этап к формированию рабовладельческих отношений в среде кочевников».

3. «Общество жуэнь представляет собой примитивную форму рабовладельческих отношений у кочевников Азии».

4. «В недрах тюркского каганата, завершающего собой рабовладельческие отношения у кочевников Центральной Азии в системе феодализирующихся обществ Китая послеэвэйского периода и Средней Азии периода арабского завоевания, получают свое первоначальное развитие новые, феодального типа отношения».

Таким образом, на четырех страницах первой главы трактуются исключительно важные вопросы. Можно признать закономерным, что характеристику тюркского каганата автор формулирует в виде тезиса—доказать ее призвана вся книга. Но три других тезиса также оставлены без доказательств. Повидимому, А. Н. Бернштам считает, что в советской историографии все ясно по отношению к гуннам. Между тем, хотя гуннами относительно больше занимались, но и в этом вопросе еще далеко до возможности тезисных формулировок. В еще большей степени это касается сяньби, тоба и жуэнь-жуэнь. Если о последних еще есть у нас отдельные этюды (например, две интереснейших странички приложений к «Тирании Абура» С. П. Толстова), то о сяньбийцах и тоба нет даже такого краткого исследования. Если же заглянуть в зарубежную новейшую историографию, то и там мы не найдем твердо установленных взглядов. Короче говоря, первая глава в книге Бернштама, несмотря на интерес выставленных в ней тезисов, кажется нам излишней. Она бездоказательна в отношении характеристики ближайших предшественников тюрок. А ведь выдвинутые в ней тезисы определяют направление всего дальнейшего исследования...

Главы II и III, посвященные истории вопроса и источникам, можно считать самыми удачными в книге. Интересно изложена история открытия, сборов и дешифровки рунических текстов, критически рассмотрены буржуазные концепции о древнетюркском обществе. Источники, особенно рунические тексты, расценены весьма внимательно. При этом автор сделал ряд очень важных наблюдений.

Исключительное значение имеет анализ надписи на стеле в урочище Суджи, открытой в 1909 г. Рамstedтом. А. Н. Бернштаму удалось доказать, что ханом енисейских кыргызов, победившим уйгуров и подчинившим Центральную Азию кыргызскому господству в 40-х гг. IX в., был хан Яглакар, упоминаемый в Суджинской надписи. Это весьма плодотворное открытие позволило А. Н. Бернштаму выступить с рядом интересных этюдов по истории киргизского народа и его эпоса «Манас»¹.

¹ А. Н. Бернштам, Историческое прошлое киргизского народа, Фрунзе, 1942 и он же, Эпоха возникновения великого киргизского героического эпоса «Манас» («Киргизстан», литературно-художественный альманах, Киргизгосиздат, 1946).

Весьма существенно также обоснованное отождествление упоминаемого в надписи в честь Кюль-Тегина похода тюрок на Согдиану с аналогичным походом, упоминаемым в надписи Кули-Чура, и отнесение этого похода не к 701, но к 712 г. При анализе «мелких надписей» Монголии, Тувинской и Хакасской областей также привлекает внимание ряд удачных наблюдений. Укажу, например, на сопоставление упоминаемого в надписи Чакуль (Тува) Барс-тегина с предводителем кыргызов Барс-бегом, известным из орхонских текстов. Заслуживает внимания упоминаемый анализ одной тувинской надписи на Кули-Кеме (а не на Бегре, как пишет автор), где, вопреки В. В. Радлову, А. Н. Бернштам «tarlygum» переводит не «мой Тарлыг», а «пашня моя». Не нужно пояснять всей важности нового толкования текста. Однако совершенно необходимо опубликовать все основания, приведшие автора к новому переводу. К сожалению, этого пока для столь ответственного места не сделано (стр. 68).

Однако далеко не всегда сопровождают А. Н. Бернштама удачи при толковании и переводе текстов. Так, нельзя не привести, как пример ничем не оговоренной неопределенности, перевод в одном и том же отрывке слова «эль» то как «племенной союз», то как «народ» (стр. 138). Весьма важен для построений А. Н. Бернштама текст из надписи Бегре (Тува) «jatda tünürimä adyryldum». Автор переводит это место—«от стоянки тестя моего я отделился», и видит в нем указание на «парцелляризацию» у тюрок VIII в. Он заявляет: «Здесь мы наблюдаем прямое (?—С. К.) указание на отдельную (?—С. К.) стоянку свойственника, тестя, т. е. отца жены, на территории которой, возможно, жил умерший» (154). Автор сам чувствует необоснованность своего вывода, но слово «возможно» едва ли может исправить дело. Между тем необходимо было рассмотреть, по крайней мере, два других возможных варианта перевода. Во-первых, перевод В. В. Радлова «Von meinem Schamanentrommel in Yat bin ich getrennt» (АТИМ, стр. 316). А. Н. Бернштам отводит этот перевод заявлением: «слово tünür мы читаем tünür так как в тексте стоит Ч üñür по МК (Махмуду Кашгарскому.—С. К.), стр. 224: «Schwieger Vater, Schwiegermutter und Schwäger der Frau» (стр. 153). Создается впечатление, что Радлов не заметил Ч транскрибировал его как п и слово tünür перевел «шаманский бубен». Однако это не так: в словаре на стр. 371 своего труда (АТИМ) В. В. Радлов как «шаманский бубен» переводит слово tünür. Следовательно, для своего перевода А. Н. Бернштам должен был привести иные доказательства. В. В. Радлов не ошибся в транскрипции Ч.

Но возможен и другой вариант перевода. Если А. Н. Бернштам докажет законность своего перевода tünür по Махмуду Кашгарскому, все же возможно толкование, близкое к переводу В. В. Радлова: «от тестя моего в Yat я отделился». В этом случае будет просто указание на место кочевки (может быть, на место смерти). Как же можно делать ответственный вывод о «парцелляризации», не оценив свой перевод с необходимой объективностью!

Не менее поспешны выводы, сделанные А. Н. Бернштамом из своего перевода второй надписи Барлыг (Тува): «Я Куни-Тириг трех лет без отца остался, Кулуг Тутук, мой старший брат, человека (из меня) сделал». В. В. Радлов переводил конец этого отрывка: «mein älterer Bruder Külug-Tutuk zog mich auf» (АТИМ, 309). Если подходить к обоим переводам без предвзятой идеи, смысл обоих аналогичен—дело идет о воспитании младшего брата старшим. Однако А. Н. Бернштам по этому поводу пишет: «Здесь бесспорно (?—С. К.), по моему, явствует, что сирота Куни-Тириг попал в положение клиента. Выражению kiši qyldy мы не думаем придавать значение в современном «гуманном» смысле этого слова—«сделал человека», т. е. воспитал. По моему, здесь можно предполагать, что старший брат сделал из него просто kiši (полураба), человека для услуг, ибо слово kiši подразумевает, во всяком случае, в древнетюркских текстах, сравнительно низкое общественное положение» (стр. 156). При анализе текста никогда нельзя игнорировать цель его написания. Надпись Барлыг II—типичная поминальная стела умершего аристократа. Сомнительно, чтобы Куни-Тириг хвастался

тем, что был рабом своего брата. Это тем более невероятно, что самое имя Куни-Тириг, как правильно подметил А. Н. Бернштам, может быть, свидетельствует о несколько более низком его происхождении (Куни-Тириг—«рожденный рабыней»). Невероятно, чтобы родные сына наложницы, которому все же удалось утвердиться среди знатных своих родственников, из всей биографии покойного на поминальной стеле запечатлели период самого приниженного его состояния.

Вольное отношение к письменному источнику А. Н. Бернштам допускает и при пользовании китайскими хрониками. Приведя известное сообщение хрониста о стремлении Мочжо-Кагана получить из Китая сельскохозяйственные орудия, автор считает, что они были отданы крестьянству и «послужили причиной еще большего развития зависимости от бегства» (стр. 181—182). А. Н. Бернштама не смущает отсутствие каких-либо намеков хроники на передачу сельскохозяйственных орудий крестьянам; самое наличие крестьян-земледельцев у орхонских тюрок необходимо еще доказать (сравнивая тюрок с кыргызами, автор склонен отрицать его. Он даже забывает при этом только что сделанное им менее категорическое предположение, что «эта попытка эмансипации от Китая сопровождалась, вероятно, стремлением посадить на землю *либо рабсв, либо всю общину*» (курсив мой.—С. К.) (стр. 181). Вообще для книги А. Н. Бернштама характерен прием доказательств через построение гипотезы и превращения ее затем в факт.

Нельзя не рекомендовать А. Н. Бернштаму внимательнее относиться к работе своих предшественников по комментированию рунических текстов. Касаясь походов тюрок на кыргызов, наш автор допускает такое заключение: «По нашим предположениям тексты отражают наиболее значительное событие 711 г., в то время как В. Радлов предполагал, что по текстам события можно отнести на 721 г.» (стр. 167). Здесь приводится ссылка на АТМ, стр. 426. Однако совершенно напрасно А. Н. Бернштам не упоминает о том, что еще в 1899 г. П. Н. Мелиоранский на стр. 123 (примечание 56) и на стр. 140 в хронологической таблице, помещенной в его исследовании памятника в честь Кюль-Тегина, прямо указывал, что «Поход кыргызов падает на 711 год».

Специальный раздел посвящает А. Н. Бернштам рассмотрению археологических материалов «от гуннов до тюрок». В нем также очень много спорного в подходе к вещественным источникам. Автор прежде всего заявляет, что его не могут удовлетворить могильные материалы, так как они дают искаженное представление о действительности. Но это не мешает ему без всякого анализа строить самые широкие выводы именно на находках в погребениях.

Не удовлетворяют А. Н. Бернштама «и те конструкции, которые отдельные культуры превратили в хронологические. друг за другом следующие стадии» (стр. 66). Недовольственность возникла у нашего автора потому, что конструкции типа классификации С. А. Теплоухова не учитывают пережитков. Замечание само по себе, может быть, и правильное, но совершенно недостаточное для того, чтобы сбросить со счетов хронологические классификации. И это тем более нельзя считать оправданным, что А. Н. Бернштам лишь заменяет «конструкции стадий-культур» совершенно неконкретными, чрезвычайно широкими «стадиями», объединяя в их пределах факты, разделенные почти тысячелетием и относящиеся к различным странам и племенным группам. Наименования этих «стадий» крайне неопределенны, например, «стадия таштык». Наименование взято у С. А. Теплоухова, в «конструкции» которого «таштыкский этап» имеет совершенно определенный культурно-исторический, хронологический и географический объемы (переход от курганной культуры, на рубеже нашего летосчисления, в Минусинской котловине). У А. Н. Бернштама же «стадия таштык»—это гунны Монголии, таштык Минусинска и Алтай около начала нашей эры. При этом ставится даже знак равенства между термином «таштык» и гуннами (ср. «Высшая ступень варварства таштык (повидимому, гунны) связана с грабительскими войнами и крупными передвижениями», стр. 67). А несколькими страницами дальше А. Н. Бернштам еще более расширяет объем этой стадии: «Эта общая стадия связывает культуры, начиная с таштык и кончая могильниками тюрок Тавской эпохи» (стр. 78). Подобная расширительная трактовка ступеней исторического процесса, не сопровождаемая конкретным анали-

зом материала, приводит автора к убеждению, что вполне возможно «наряду с явно тюркскими могилами рассматривать и дотюркский материал» (стр. 66). В результате возникают социологические конструкции, весьма далекие от конкретной истории. С необыкновенной легкостью на стр. 70 объединяются в общую характеристику памятники Монголии (Наинте Суме и Ихэ-Алык), Алтая (Кудырге) и Минусинской котловины (Чаатас). При этом автора совершенно не интересуют их хронологические, географические и этно-генетические различия. Зато создается новое обобщение—«общество тюрков», в котором ступеньками являются конкретные проявления исторического процесса на огромных пространствах Центральной Азии и Южной Сибири на протяжении более чем 500 лет. Собственно только этой сомнительной цели и служит у А. Н. Бернштама археологический материал. В тех же случаях, когда А. Н. Бернштаму приходится поконкретнее подойти к археологическому источнику, обнаруживается несостоятельность его методики. Описывая каменные бабы под углом зрения своего «общества тюрков», А. Н. Бернштам делает вывод: «Этот тип каменных баб более характерен для центра тюркского государства, чем для его окраин, каковой была, например, территория ныне Минусинского края» (стр. 74). Между тем здесь дело вовсе не в окраине, а в том, что в Минусинской котловине жили кыргызы, для которых характерно отсутствие обычая ставить каменные бабы. Единичные же бабы, найденные на среднем Енисее, поставлены в память иностранцев. Ярким примером этого является изваяние старика, стоявшее у с. Знаменки. На спине статуи имеется руническая надпись, свидетельствующая о том, что здесь изображен тюркеш (АТІМ, стр. 344).

Приведенные примеры приемов работы А. Н. Бернштама с письменными и археологическими источниками заставляют с осторожностью отнестись к его историческим построениям во второй части книги.

В начале рецензии уже отмечалось, что первая глава, несмотря на декларативность ее тезисов, заставляет А. Н. Бернштама показать, что «в недрах тюркского каганата, завершающего собой рабовладельческие отношения у кочевников Центральной Азии, получают свое первоначальное развитие новые, феодального типа отношения». Кроме того, уже при рассмотрении археологического материала наш автор сформулировал еще одно утверждение: «что предшествующие тюркам гунны находились на стадии, аналогичной тюркам VI—конца VII в. и монголам X—XII вв., т. е. стадии военно-племенной демократии» (стр. 66). Этот новый тезис не согласуется с характеристикой каганата как завершающего собой рабовладельческие отношения. Из него вытекает вывод, что до Гудулу-хана у тюрков—родовой строй; после него—«первоначальное развитие новых, феодального типа отношений». Чтобы доказать этот вывод, А. Н. Бернштам предпринял исследование древнетюркских текстов и «обнаружил значительные следы патриархальной и даже матриархальной терминологии. Однако весь этот анализ никак не может доказать основного,— что все отмечаемые А. Н. Бернштамом родовые институты у тюрков господствовали вплоть до конца VII в. Он не считает с тем, что формы родового строя могли быть господствующим явлением вовсе не в VI—VII вв., а гораздо раньше; в эпоху же первых тюркских каганов они вполне могли быть уже пережитками. Впрочем А. Н. Бернштам и не удерживается на занятой позиции. Стремясь доказать, что государство у тюрков сложилось только в эпоху Гудулу-Ильтереса, он тут же разрушает это построение нижеследующим переводом отрывка из надписи в честь Кюль-Тегина: «Он (Ильтерес-Каган.—А. Б.) привел в порядок народ, утративший свой эль (т. е. свое независимое-государственное устройство) и своего кагана» (стр. 137). Из этого перевода и его комментирования явствует, что А. Н. Бернштам признает наличие «государственного устройства» у тюрков и до Гудулу-кагана.

Что касается самого анализа пережиточных норм родового строя, то в целом он очень интересен. Можно, однако, отметить, что, исследуя систему родства тюрков, А. Н. Бернштам умалчивает о так называемых урало-алтайских системах родства, хотя подмеченные им факты являются весьма характерными их особенностями.

Обратимся теперь к вопросу, что собой представляло тюркское общество и государство в эпоху Гудулу, Мочжо и Билгэ каганов. А. Н. Бернштам уже предупредил читателя, что это—общество, в котором «получают свое первоначальное развитие новые, феодального типа отношения». Глава VI «Классы и классовая борьба» призвана доказать этот тезис.

Осуществлено это довольно просто.

Из известного текста о волнениях (о ссорах младших братьев со старшими), приведших к ослаблению тюркского государства, делается вывод, «что характер этой борьбы скорее напоминает ранние феодальные восстания, свойственные генезису феодализма, чем восстания рабов»...; «по упоминанию об основных субъектах классовой борьбы мы и выводим заключение, что классовая борьба имела здесь скорее феодальный характер» (стр. 131).

На первый взгляд такой вывод кажется теоретически вполне приемлемым. Но возникает вопрос: только ли для раннефеодального общества характерна борьба аристократии и свободных масс? Ранняя история Греции и Рима характеризуется ожесточенной классовой борьбой именно в среде свободных, но много ли данных о восстаниях рабов на заре сложения рабовладельческого полиса? Если же учесть сведения о значительном количестве рабов у орхонских тюрков и полную нашу неосведомленность относительно их роли в классовой борьбе конца VII в., категоричность заключения А. Н. Бернштама станет беспочвенной.

Еще менее убедительны другие аргументы Бернштама в пользу феодализма у орхонских тюрков. Рассматривая институт клиентелы—явление, характерное прежде всего для рабовладельческого общества (ведь и изучена-то была клиентела на примере республиканского Рима!), автор неожиданно ставит клиентелу в тесную связь с «генезисом феодальных отношений» (стр. 117). Правда, спустя несколько страниц А. Н. Бернштам разъясняет, что, по его мнению, у тюрков «была развита клиентела, перерастающая в коммendaцию», но в чем выразилось это «перерастание», так и остается секретом. Нужно также отметить одну ошибку автора в вопросе клиентелы. На стр. 156 он усвоение и адаптацию приравнивает к клиентеле. Между тем и исторический и этнографический материал заставляет различать оба эти института.

В поисках доказательств феодального характера «общества тюрков» А. Н. Бернштам объявил на стр. 135 «показателями уже феодальных междоусобий» военные походы каганов против племен и их каганов, этнически принадлежавших к тюркам. Однако войны между государствами и племенами одного этнического происхождения велись постоянно и в античное время и поэтому сами по себе доказательством феодализма служить не могут. Не приемлемо также самое употребление здесь термина «междоусобие». «Междоусобие» в русской историографии обозначает борьбу князей внутри Рюрикова дома, но никто до сих пор не называл междоусобием войну Ярослав Мудрого с Болеславом Храбрым, хотя оба они и «принадлежали к славянам».

Наконец, совсем излишним является привлечение А. Н. Бернштамом юридических документов, найденных в Турфане, с целью доказать относительную слабость рабства и наличие кабальных сделок у... орхонских тюрков. Турфанские документы принадлежат поздней истории уйгуров, написаны на уйгурском языке и составлены в XII—XIV вв. Каковы бы ни были выводы, сделанные на основании этих документов, они никакого отношения к общественному устройству орхонских тюрков VII—VIII вв. иметь не могут, как не могут иметь писцовые книги Руси XVI в. отношения к истории Польши X в.

В связи с неправильной постановкой проблемы о феодальных отношениях у орхонских тюрков стоит и своеобразная характеристика А. Н. Бернштамом отношений бегов и кагана. Каганская «часть» знати, говоря словами автора, «была сторонницей консервативного государственного строя» по сравнению с «бегами, для той эпохи занимавшими более прогрессивные (?—С. К.) позиции» (стр. 45).

Можно подумать, что каганы были представителями давно одряхлевшей системы варварского государства, а беги—носителями новых идей феодализма. Однако на деле было не так. Поскольку феодальные отношения были еще далекой перспективой,

конечно, ведущей силой было «каганство», сумевшее обеспечить единство тюркского государства, ослабить военными успехами внутренние противоречия, защитить бегов от возмущения их соплеменников, раздраженных обогащением знати и ее претензиями на их имущество (в виде дани, подарков и т. п.). И, безусловно, прав А. Н. Бернштам, когда, вопреки своим заявлениям о коренном различии «каганства» и бегства, все же приходит к выводу, что «Каган является выразителем интересов основной фигуры растущего класса—бегов» (стр. 114).

Чем же тогда объяснить зафиксированную источниками борьбу бегов против кагана? Ответ на этот вопрос наметил сам автор, но ему помешало превращение им бегов в феодалов, уже сделавших большие успехи в закреплении общин. А. Н. Бернштам правильно отметил, что беги «были тесней связаны с непосредственным производителем, с общиной» (стр. 135), но он ошибочно сделал их независимыми от общины. В ходе классовой борьбы в тюркском каганате создавались такие положения, когда беги вынуждены были считаться с массой свободных и примыкать к их борьбе против политики кагана, если она слишком задевала интересы этих масс.

А. Н. Бернштам явно недооценил роль рабства у орхонских тюрков. Он не пожелал совершенно считаться с глубоким анализом этого вопроса, данным прежде всего в работах С. П. Толстова, отмахнувшись от них незначительным замечанием на стр. 145. Между тем в тех случаях, когда нашему автору пришлось высказать свою точку зрения на проблемы, связанные с рабством, например, по тому же вопросу клиенты, он дал гораздо менее убедительное построение. Что же касается его стремления во что бы то ни стало преуменьшить значение рабства у тюрков, изображать под наименованием *qal* «всяких подчиненных» (стр. 126), то для этого А. Н. Бернштаму пришлось прибегнуть, с одной стороны, к мало убедительному анализу термина *qal*, а с другой—к явно неприемлемому привлечению уйгурских документов, написанных спустя 500 лет, в 2500 километрах от Орхона.

С. П. Толстов прав, указывая на значительность роли рабства у орхонских тюрков. О феодальных формах эксплуатации данных нет. Самое большее, что можно констатировать на основании текстов,—это даннические отношения¹. Выступления же бегов против старой свободы первобытнообщинного строя встречали сильный отпор со стороны рядовых кочевников. В силу таких причин развитие собственного хозяйства знати, обслуживание бесчисленных стад и табунов «шестиногих коней» могло быть обеспечено только за счет несвободного труда. Каков был источник рабства, лучше всего говорит надпись в честь Кюль-Тегина: «Каган (тюркшей.—С. К.) был убит, а народ его стал невольниками и рабами»². О количестве рабов у тюрков можно составить себе представление хотя бы по двум сообщениям китайской хроники. В 623 г. Хелихан только в одном из походов «в плен взял 5000 мужчин»³. А в 630 г. у того же Хелихана «по повелению императора, выкуплено было на золото и шелковые ткани до 80000 душ обоего пола»⁴. При этом нужно учесть, что в хронике идет речь только о судьбе китайцев, а тюрки брали полон и на севере, и на востоке, и на далеком сибирском западе.

¹ Ср. в надписи в честь Билгэ-кагана: «Против него я двинулся, так как он не послал каравана... прогнал его назад, многочисленные... я доставил домой» или «Их караван не приходил, чтобы наказать их, я выступил» (В. Радлов и П. Мелешоранский, Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, Спб., 1897, стр. 25 и 32); в надписи Тонъюкука: «Я, мудрый Тонъюкук, наступая в этой стране, привозил... дань без числа». (АТМ, Neue Folge, стр. 49); на донце серебряного сосуда из погребения VII—VIII в. у с. Туяхта (Алтай): «Тюрк-Ша серебро подать» («Труды Гос. ист.-этногр. музея», вып. XVI, стр. 113).

² В. Радлов и П. Мелешоранский, Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, стр. 24.

³ Иакинф, Собрание сведений и т. д., ч. I, стр. 307.

⁴ Там же, стр. 269.

Усиление тюркской знати произошло не столько за счет эксплуатации соплеменников, сколько за счет войн и применения рабского труда. Однако возросшее имущественное различие и сосредоточение в руках знатных реальной силы, позволявшей все в большей мере не считаться с рядовым населением, установление в связи с этим даннических отношений привели к углублению общественных противоречий. Дошло до того, что «турецкий народ эльствовавший эль (т. е. знать.—С. К.) уничтожил, ханствовавших ханов истребил»¹.

Эти данные дают возможность подойти и к решению вопроса о природе древнейшего тюркского государства. Оно было орудием защиты интересов знати не только от рабов, но и от свободных соплеменников. И это ясно видно из анализа эля орхонских тюрков. А. Н. Бернштам прав, приходя к выводу, что «äl олицирует аристократию племен. Äl—выражение государственной организации, это господствующий класс» (стр. 145). Эль—организация хана и бегов, противостоящая рабам и простым свободным, выступающая, однако, в старых формах родоплеменной традиции.

Ранняя форма этой организации существенно отличается от государства на его развитой стадии. Государство здесь не только орган аристократии, но и форма ее организации. Такое понимание эля подтверждается орхонскими и енисейскими текстами².

А. Н. Бернштам близко подошел к правильному решению вопроса о государстве орхонских тюрков. Однако до конца он видит в беге феодала, «эксплуатирующего в первую очередь общину, во вторую—раба» (стр. 146). Это не позволяет ему дать определение тюркского государства как государства дофеодального, хотя анализ эля представил нашему автору все возможности это сделать³.

Необъясненной осталась и политика этого государства, непрерывные войны в погоне за добычей и рабами. Между тем это была не раннефеодальная политика, и не «внутрифеодальная распря» лежала в основе войн тюрков. В основе лежала необходимость компромисса с еще незакабаленными массами свободных. Это осуществлялось путем организации военных походов, успех которых временно глушил внутреннюю борьбу, доставляя участникам походов, знати и рядовым воинам, богатую добычу.

В главе VII, посвященной енисейским кыргызам VII—IX вв., многие вопросы, там затронутые, решены так же, как и в главе VI, и нет нужды повторять их разбор, уже сделанный в отношении орхонских тюрков. Остановимся поэтому на другой группе вопросов.

На стр. 148 А. Н. Бернштам утверждает, что «явления социального строя... у кыргызов более архаичны», чем у тюрков. Однако уже на стр. 150 он говорит применительно к кыргызам об эпохе «сравнительно развитых классовых отношений». Дальше же мы узнаем, что у кыргызов было «подвластное» бегам, «возможно, податное население» (стр. 155), что «можно утверждать о частном хозяйстве бега, об известной парцелляризации, выразившейся в выделении в первую очередь частного надела бега» (стр. 154). Наконец, на стр. 158 оказывается, что кыргызы имели «развитую оседлость и интенсивный характер скотоводства».

Приведенные цитаты показывают, что А. Н. Бернштам нашел у кыргызов черты общественного строя, совпадающие с описанными им у орхонских тюрков, а в хозяй-

¹ В. Радлов и П. Мелиоранский, Цит. соч., стр. 18.

² П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина (ЗВОРАО, т. XII, Спб., 1900, стр. 67); В. Радлов и П. Мелиоранский, Цит. соч., стр. 27; С. В. Книселев, Общество и государство енисейских кыргызов в VI—X веках («Известия АН СССР, Серия истории и философии», т. III, № 1, стр. 69). Близкую точку зрения высказал и С. П. Толстов, считая для äl «наиболее адекватный перевод термином «государство» в античном понимании этого слова—в политическом, а отнюдь не территориальном значении» (см. Тирания Абура, стр. 54).

³ Вместо этого древнетюркское государство А. Н. Бернштам называет «феодальным образованием, начало которого относится нам к концу VII в.» (стр. 80).

ственной сфере кыргызы даже превосходили своих южных соседей. К сожалению с этим никак нельзя увязать тезис стр. 148 о большом архаизме «явлений социального строя» кыргызов. К тому же с точки зрения А. Н. Бернштама никак уже не может являться показателем архаизма вторая отмечаемая им отличительная черта кыргызов — большее значение у кыргызов бегов. На стр. 157 так и написано, что у кыргызов «центральная власть была в значительной степени еще фиктивной, и основной силой была сила бега». Однако с этим нельзя согласиться.

Достаточно вспомнить надпись на скале Кая-Баши (Тува), где знатный Чигиш-бег с гордостью заявляет, что он — державный бег, «согласно письма Кыргызского хана» (АТІМ, стр. 326—327).

Впрочем А. Н. Бернштам настаивает на этом втором отличии кыргызов от тюрок, указывая на стр. 158, что «в кыргызском обществе имел место «верховный сюзерен».

Третий вопрос, который необходимо обсудить, вызван утверждением А. Н. Бернштама, что кыргызы были частью государства тюрок. На стр. 80, перечислив Монголию и Забайкалье, Алтай, Южную Сибирь и Семиречье, А. Н. так прямо и пишет: «Для нас пока несомненны эти четыре основных района древнетюркского государства».

Такое утверждение совершенно не соответствует действительности. Нигде нет положительных сведений о принадлежности кыргызов к тюркскому государству. Исключение составляет только поход 711 г., когда тюрки убили хана кыргызов и «покорили его народ». Однако уже в 715 г. кыргызы были самостоятельны, и тюркам вновь пришлось сражаться с войсками их племени Аз. А в 731 г. на похороны Кюль-Тегина пришел посол уже от кыргызского кагана. Впрочем А. Н. Бернштам и сам не настаивает на первоначально показавшейся ему несомненной принадлежности кыргызов к тюркскому государству, оговариваясь, что во всех текстах нет прямых указаний на долгое подчинение кыргызов тюркам и что «временное поражение кыргызов не уничтожило их самостоятельного существования» (стр. 167).

Можно было бы и не останавливаться на этом утверждении А. Н. Бернштамом вхождения кыргызов в государство тюрок, поскольку ему самому оно показалось недоказуемым, однако оно не случайно, но связано с другим положением книги.

А. Н. Бернштам правильно связывает сложение народа с возникновением государства. Однако искусственно обобщая процесс возникновения государства у тюрок и у кыргызов, наш автор находит возможным говорить «о древнейшем тюркском народе на берегах Орхона и Енисея в VI—VIII вв.» (стр. 86).

Это неправильно. Если бы А. Н. Бернштам попытался выйти из крайне ограниченного круга материалов, привлеченных им в разделе «Происхождение орхон-енисейских тюрок» (стр. 82—86), и решал бы этот важнейший вопрос на основе не только лапидарных, но также письменных, археологических и палеоантропологических источников, ему бы стало очевидным значительное различие в путях возникновения тюрок и кыргызов. Задачей историка является прежде всего конкретное отображение прошлого. Изучение же источников уводит далеко от конструкции единого тюркского народа, якобы населявшего огромные пространства Южной Сибири и Центральной Азии.

Я остановился так подробно на основных положениях книги А. Н. Бернштама, потому что она трактует о важнейших проблемах истории тюркоязычных народов Азии. Естественное желание, чтобы автор еще раз взвесил свои «конструкции». Необходимо также поработать и над языком, чтобы не резали ухо «экзотические» словопотребления: «сползание знати гуннов в сторону китайского двора» (стр. 8); «Комментарии переводчика Г. Дестуниса Прокопия на русский язык» (стр. 61); «Стелы... не являются обычным для каждого члена рода предприятием. Не являются обычным предприятием и мелкие стелы — енисейские памятники» (стр. 109).

Необходимо также избегать разнобоя в датах, а то на стр. 40 Гудулу-хан умирает в 693 г., а на стр. 45 то же событие происходит, «как известно, между 690 и 693 гг.».